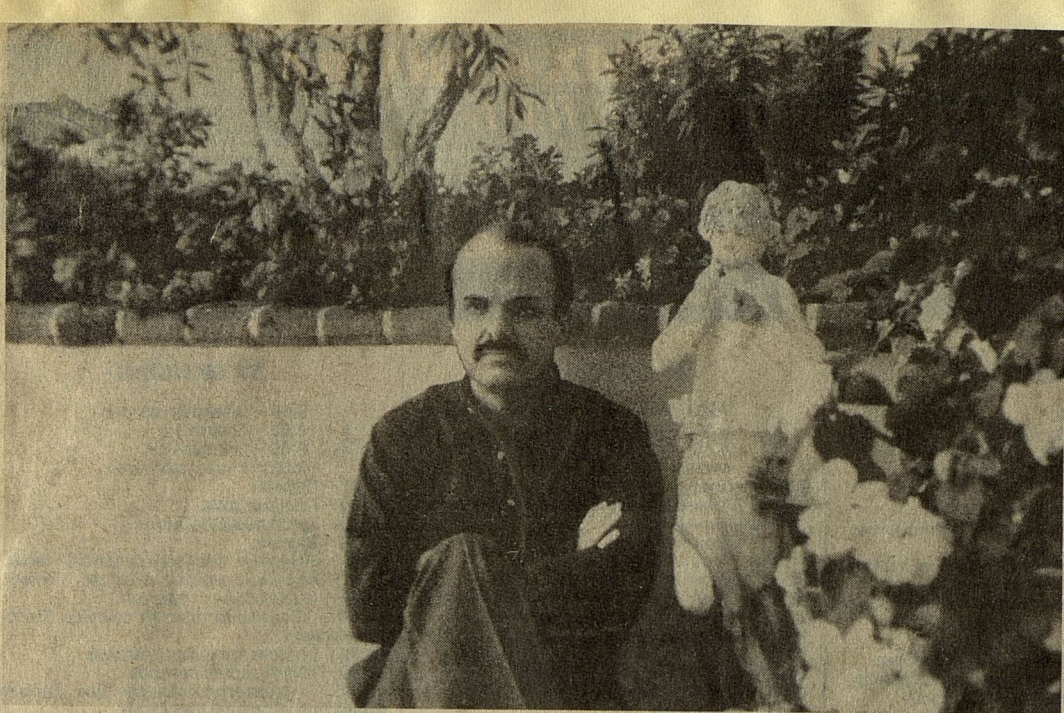

Дин КУНЦ:

«Однажды жена мне сказала: бросай свою работу и пиши»

Бег. клуб. - 1994. - 22 окт. - с. 7.

Еще какие-то пять-шесть лет тому назад имя американского писателя Дина Кунца мало что говорило отечественному читателю (знали его те немногие, кто читал в подлиннике). Между тем статистика свидетельствует: им написано уже 60 книг, их суммарный тираж в 34 странах мира перевалил за 100 млн. экземпляров. 48-летний писатель крепок, энергичен и полон замыслов. Его последний контракт предусматривает гонорар в 6 млн. долларов за каждый из трех заказанных романов.

Впервые российский читатель познакомился с творчеством Кунца в прошлом году, когда в издательстве «Новости» в серии «Мировой бестселлер» вышел роман «Ангелы-хранители». Сегодня при посредничестве издательства Дин Кунц отвечает на вопросы «Вечернего клуба».

— Хемингуэй неоднократно повторял: я всегда хотел быть только писателем. Можете ли вы о себе сказать то же самое?

— Тягу к сочинительству я ощутил лет в восемь и уже тогда пытался как-то выразить себя. Подозреваю, что окончу свой путь, рухнув однажды за смертью за компьютером. Вот уже двадцать с лишним лет я работаю по двенадцать часов пять-шесть дней в неделю. Бывает, что одну страницу переделываю раз по 30—40. Однако не могу представить свою жизнь иной.

Мое детство прошло в несчастливом доме, в бедности и страхе перед вспыльчивым отцом. Спасение свое я находил в книгах. Они дарили мне мечту, уверенность в себе, учили нравственности и мужеству, открывали глаза на красоту мира. Я стал писателем потому, что хотел передать людям все то, что есть во мне — мои ощущения и мое понимание жизни.

— В начале карьеры было ли у вас искушение писать ради денег?

— Скажу откровенно: некоторые из моих ранних книг были написаны ради денег. К тому принуждали жизненные обстоятельства: семейный бюджет едва дотягивал до 300 долларов. Все наше с женой имущество составляли потрепанный автомобиль да пара чемоданов, набитых всякой всячиной.

Впрочем, я не собираюсь возвращаться к своим старым вещам и переиздавать их. Любопытно другое: чем больше я писал то, что устраивало меня самого, тем большим успехом пользовались мои книги. Я игнорировал законы рынка, мои книги не были бестселлерами, но на следующий год они прекрасно раскупались. И вот что важно: как только я крепко встал на ноги, я без колебаний стал отклонять коммерческие предложения издателей.

— Насколько верно утверждение, что серьезному писателю в США не просто прожить на гонорары?

— Писатели, которые по-настоящему много

работают и полностью посвящают себя избранному ремеслу, финансово чувствуют себя вполне сносно, часто — гораздо лучше, нежели средний американец. Но есть писатели лентяи, как есть лентяи среди всех других профессий. Есть, впрочем, и такие, кто когда-то добился успеха, однако с тех пор никуда не двинулся и все брюзжит, будто ему все должны. К сожалению, долгое время на Западе издатели поощряли в писателях стремление быть «коммерческой звездой». Можете себе представить ощущения этой «звезды», когда в один прекрасный день приходит понимание, что успех улетучился и писатель остался у разбитого корыта. Сегодня мой последний контракт с издателем предусматривает шесть миллионов долларов за каждый из трех романов. Мои доходы позволили заплатить за обучение семи моих племянников и племянниц, купить несколько домов для родственников, построить дом себе, отчислить какие-то суммы для благотворительных организаций.

— Многие критики считают вас создателем нового жанра, синтезирующим триллер и фантастику, детектив и юмор, называют изобретателем генетической научной фантастики. Как вы сами определили бы жанр, в котором работаете?

— Я отвергаю любое деление на жанры и не считаю себя научно-фантастическим писателем. Хотя в «Ангелах-хранителях», например, и в «Молнии» есть немного от научной фантастики. Элементы сверхъестественного и пугающего можно найти в «Логове», но это не роман ужасов. «Шорохи» и «Ночные звуки» — триллер с нравственной фабулой, мрачной фантазией и горькими советованиями на улагод американской культуры. Когда я пишу, то сочетаю элементы многих жанров совершенно непреднамеренно. Что же касается генной инженерии, то действительно тут есть над чем задуматься, так как это потенциально разрушительная наука. И все же более всего меня интересуют люди, живущие в мире высоких технологий.

— Серьезная литература и бестселлер — есть ли между ними граница?

— Начало этой высоконучной дискуссии отнесится к ранним 50-м годам, отмеченным бурным развитием университетского образования в США. Вот тогда-то научные мужи от литературы и взяли на себя ответственность по сортировке: что причислять к серьезной литературе, а что к беллетристике, а в качестве критерия выдвинули отсутствие популярности у книги. Если какой-то роман пользовался спросом и хорошо раскупался, его тут же заносили в беллетристику и, напротив, если вещь не шла, ее почитали серьезной.

Однажды на телевизионной дискуссии научному фантасту Теодору Старджону сказали, что, дескать, 95 процентов фантастики — дерьмо. Тот ответил фразой, которая ныне считается законом Старджона: «Да, — сказал он, — это истинная правда, но 95 процентов чего угодно в этой жизни — не меньшее дерьмо». На самом деле все эти разговоры несусветная чушь. Те книги, которые мы помним и по сей день, в свое время были страшно

«ВК» в гостях

популярны: Диккенс, Твен, Стивенсон, Достоевский. Только не подумайте, что я считаю популярность единственным критерием качества. Настоящая литература завладевает умом, затрагивает все наши чувства, вызывает смех, слезы, увлекает интригой и романтикой страстей. Можно ли считать несерьезным и незанимательным «Гекльберри Финна»? Хемингуэй сказал, что вся американская литература вышла из этой книги.

Между прочим, девяносто процентов отзывов на мои работы носит положительный характер, но я, надеюсь, никогда не впаду в грех самообольщения и не начну думать о себе Бог знает что только потому, что меня похвалил какой-то критик. Главные судьи — читатели. Я рад, когда, вдохнув жизнь в вымышленных героев, заставляю людей смеяться и грустить, когда в моих персонажах они узнают самих себя и верят, что поступили бы точно так же в подобных обстоятельствах.

— Жены многих писателей, политиков в США играют весьма заметную роль в становлении карьеры своих мужей. Что вы можете об этом сказать?

— С Гердой мы поженились, когда нам было по 24 года, мы учились в одном университете.

После окончания его я некоторое время был учителем английского языка. Писал урывками по вечерам и в выходные. Так продолжалось года полтора, пока жена не сказала: «Бросай эту работу и начинай писать. Проживем на мою зарплату. Если через пять лет из тебя ничего не выйдет, ставим на писательстве крест». К концу пятилетнего срока она оставила свою работу и целиком занялась моими делами — перепиской с издателями, контрактами и прочим.

— Каковы ваши взаимоотношения с читателями?

— В месяц я получаю несколько сот читательских писем. Раньше я старался отвечать на каждое, но потом понял, что это невозможно, поскольку совсем не остается времени на работу. Но по-прежнему я прочитываю все, что получаю.

— Откуда вы черпаете идеи для своих книг?

— Читаю много научно-популярной, научной литературы. Внимательно слежу за развитием генетики, физики, медицины. Но никогда ничего специально не записываю. Кроме этого, прочитываю массу беллетристики, фантастики, триллеров, фэнтези, мистерий. Чем больше читаешь, тем яснее представляешь специфику того или иного жанра. Надо постоянно подпитывать подкормку...

— Для того чтобы начать новый роман, нужны ли вам какие-то дополнительные стимулы, чтобы разогреть «мотор воображения»?

— Меня вполне устраивает мой стиль работы, и нет никакой нужды как-то себя взвешивать. Но одна вещь все-таки существует. Есть писатели, чье влияние на меня несомненно. Это Д.Макдональд, Рэй Брэдбери, Диккенс, еще несколько имен. Книги их всегда у меня под рукой. Скажем, утром перед тем, как сесть за работу, я беру наугад любую книгу моих любимцев и читаю несколько абзацев, чтобы вновь насладиться языком и воскликнуть, как чертовски здорово написано! Именно это заряжает меня, и хочется в своих книгах приблизиться к своим кумирам.

— У вас большая библиотека?

— Думаю, тысяч 25 томов есть.

— Есть ли русские писатели среди тех, кто оказал на вас какое-то влияние?

— Да. В первую очередь Достоевский.

— Ваши книги обретают русского читателя, издательство «Новости» выпускает собрание ваших сочинений. Как вы к этому относитесь?

— Перевод моих книг на русский язык стал возможен благодаря переменам, которые происходят в России, и это меня радует. Еще несколько лет назад я думал, что едва ли доживу до того времени, когда будет возможен свободный обмен идеями, который насущно необходим человечеству для выживания и развития, потому что способствует росту взаимопонимания и исчезновению страха. Мне приятно быть изданным в России еще и потому, что я хочу передать русским читателям свое видение мира и быть ими понятым.

Вела беседу Марина ЛУКИЧЕВА.

Кунц Дин

22.10.94.